

Л. Рубинштейн, Д. Ольшанский), А. Немзер воспринял его как «плохо взбитый коктейль из хорошо известных ингредиентов (Ремизова, Замятина, Набокова), баек про мутантов и привешенной игрой с мифологической символикой». Более объективно оценила роман А. Латынина, которая отметила, что это произведение «уводит из довольно банального сюжетного пространства язык, сама словесная ткань, всепронизывающий комизм, точнее, едкий сарказм». По ее мнению, «роман не глубокий, но блестящий».

За роман «Кысь» Т. была удостоена в 2001 премии «Триумф».

Соч.: На золотом крыльце сидели: сб. рассказов. М., 1987; Любишь — не любишь. М., 1997; Сестры. М., 1997; Река Оккервиль. М., 2002; Кысь. М., 2000; Ночь: рассказы. М., 2001; День. Статьи. Эссе. М., 2001; Изюм: избранное. М., 2002; Круг. М., 2003; Не Кысь. М., 2003.

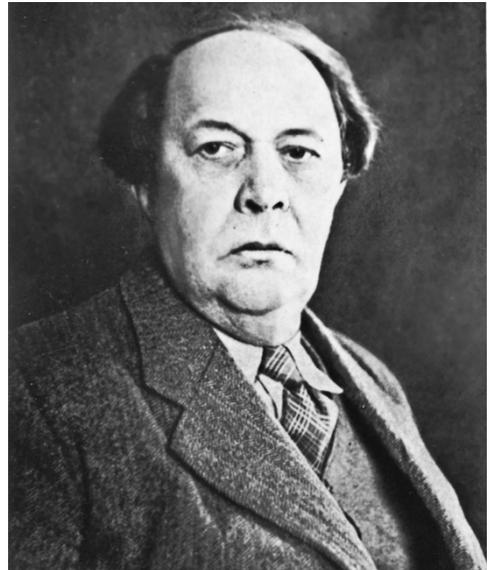
Лит.: Невзглядова Е. Эта прекрасная жизнь // Аврора. 1986. № 10; Золотоносов М. Мечты и фантомы // Лит. обозрение. 1987. № 4; Булин Е. Откройте книги молодых // Молодая гвардия. 1989. № 3; Курицын В. Четверо из поколения дворников и сторожей // Урал. 1990. № 5; Вайль П., Генис А. Городок в табакерке // Звезда. 1990. № 8; Ованесян Е. Распада венки // Лит. Россия. 1991. 6 сент.; Иванова Н. Неопалимый голубок: «Носимость» как эстетический феномен // Знамя. 1991. № 8; Александрова А. На исходе реальности // Грани. 1993. № 168; Генис А. Рисунок на полях. Т. Толстая // Звезда. 1997. № 9; Латынина А. «А вот вам ваш духовный ренессанс» // Лит. газ. 2000. № 47; Беньяш Е. Душин сарафан // Дружба народов. 2001. № 2; Иванова Н. И птичку паулин изрубить на клекты // Знамя. 2001. № 3; Липовецкий М. След Кыси // Искусство кино. 2001. № 2; Славникова О. Отношение бытия к небытию // Знамя. 2001. № 3; Ремизова М. Grandes Dames прошедшего сезона // Континент. 2002. № 112; Шафранская Э. Ф. Роман Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика // Русская словесность. 2002. № 1; Богданова О. В., Смирнова М. В. Интертекст в рассказах Т. Толстой // Мир русского слова. СПб., 2002; Щурина Н. М. Структурные особенности романа Т. Толстой «Кысь» // Традиции русской классики и современность. М., 2002; Рыжова О. Дачница из литературного шоу // Лит. газ. 2004. № 19. С. 11.

Т. М. Вахитова

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич [29.12.1882(10.1.1883), г. Николаевск (ныне Пугачевск) Саратовской обл.— 23.2.1945, Москва] — прозаик, публицист, драматург.

Отец — самарский помещик граф Н. А. Толстой, мать — А. Л. Толстая (урожд. Тургенева), детская писательница (А. Бостром). Воспитывался на хуторе Сосновка под

Самарой в доме отца А. А. Бострома, человека большой культуры и либеральных взглядов. В детстве был окружен миролюбиво благожелательной обстановкой патриархальной семьи, живущей «созерцательно-мечтательной жизнью». Учился в Самарском реальном училище, в 1901 поступил в Петербургский технологический ин-т. В 1907 Т., не успев получить институтский диплом, ушел в Худож. училище. К тому времени он уже успел опубликовать в провинциальных газетах несколько подражательных стихотворений гражданского содержания. В ж. «Нива» за 1908 был напечатан первый рассказ «**Старая башня**», тогда же увидела свет книга стихов «**Лирика**» (1907), отмеченная влиянием «богемной» среды, декадентской поэзии. За нею последовали вполне самостоятельные сб. «**Сорочьи сказки**» (1910), «**За синими реками**» (1911), о которых сам автор отзывался впоследствии как об удачном начале своего «знакомства с русским фольклором, с русским народным творчеством» (ПСС. Т. 1. С. 82). Большой интерес лит. общественности вызвали сб. рассказы и повести «**Заволжье**» (1910) и романы «**Чудаки**» (1911), «**Хромой барин**» (1912), в которых изображался как экономический, так и духовный упадок некогда процветающего помещичьего дворянства. Произведения эти получили разноречивые оценки. Революционно настроенная печать старалась увидеть в них преимущественно критику российской действительности и спешила причис-

А. Н. Толстой

лить автора к тем литераторам, которые, подобно М. Салтыкову-Щедрину, «рисовали подлинно русскую жизнь со всеми ее ужасами повседневной обыденности» (Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе: сб. М., 1937. С. 15). Вместе с тем такие писатели либерального направления, как К. Чуковский, напротив, отказывали Т. в каком бы то ни было критицизме и утверждали, что он не только не судит своих опустившихся героев, но даже озирает их образы «поэтически-нежным сиянием». Но творческая задача Т. была далека как от разоблачения заволжских «монстров», так и от умиленной их поэтизации. Мир «чудаков, красочных и нелепых», стоявший перед писателем «во всем великолепии типов уходящей крепостной эпохи» (ПСС. Т. 13. С. 411), вовсе не представлялся Т. безнадежно обреченным; пусть слабо, но светилась вера художника в духовное возрождение людей. Романы «Чудаки», «Хромой барин», как и весь «заволжский» цикл, были написаны в первую очередь «о женской судьбе, о любви, а еще точнее сказать, о женственности», которой Т. поклонялся и которая «долгие годы была в его творчестве единственной путеводной звездой» [Боровиков С.— С. 35]. В качестве военного корреспондента газ. «Русские ведомости» Т. неоднократно выезжал в зону боевых действий, присылал оттуда правдивые очерки о патриотизме, о мужестве русских воинов. По-видимому, не без воздействия грубой фронтовой действительности происходили перемены творческих интересов Т. Он разочаровался в декадентском искусстве и в ряде произведений резко осудил его за безжизненность и ничтожность (рассказы «Ночные видения», «В гавани»; незавершенный роман «Егор Абовов», 1916). Усилился поиск новых тем, худож. аспектов. Писатель обращался к изображению буржуазно-коммерческой среды (комедия «Нечистая сила», 1916) и дворянско-усадебного быта (пьеса «Касатка», 1916). Октябрьская революция заставила Т. заново определять свои лит. позиции. Еще в февр. 1917 он радостно приветствовал народ, который, как ему верилось, выйдя «из подвалов», принесет с собой не злобу и ненависть, «не месть, а жадное свое, умное сердце, горящее такой любовью, что, кажется, мало всей земли, чтобы ее утолить» (СС. Т. 10. С. 24). Но Октябрь разрушил эти идиллические упования, заставив содрогнуться от своей беспощадной жестокости. «В эти годы,— рассказывал Т.,— погибли два моих родных брата, один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь

человек моих родных умерли от голода и болезни. Я сам с семьей страдал ужасно» (Там же. С. 34). В результате он «физически возненавидел большевиков» как виновников всей смуты и «в эпоху великой борьбы белых и красных» оказался на стороне первых (ПСС. Т. 13. С. 11). В произведениях, написанных под свежими впечатлениями октябрьского переворота, прозвучало немало пронизанных «ненасытной злобой» белогвардейских проклятий ненавистным красным. Но автор не ставил знака равенства между революционными эксцессами и русским народом, а настойчиво искал и находил близких ему по духу героев среди простых сограждан, как и он, вовлеченных историей в огромную трагедию, но вопреки всему сохраняющих неприкосновенности свою бескорыстную доброту и жизнелюбие («Простая душа», 1919). В рассказе «Милосердия!» (1918) «без всякой усмешечки» критиковалась с этих позиций российская либеральная интеллигенция, которая «в свете Октябрьского зари» до конца обнажила свой эгоизм, полное равнодушие ко всему, кроме «борьбы за самого себя» (СС. Т. 3. С. 20).

Еще во время Февральской революции Т. обратился к эпохе Петра Великого. Там он, «скорее инстинктом художника, чем сознательно», надеялся найти разгадку «русского народа и русской государственности» (Там же. Т. 1. С. 85). Стартовым произведением на «петровскую тему» явился рассказ «День Петра» (1918), где образ царя был нарисован вразрез с существовавшим в лит-ре прежних лет представлением о нем как об «антихристе» («Антихрист» Д. Мережковского (1905) и др.). Петр I предстал как великий реформатор, озабоченный благородной целью преобразования России, приобретающая ее к европейской культуре. Но писатель не соглашался с жестокой насильственностью петровских деяний, отчего страна «вошла на пир великих держав» не «нарядная и сильная», как надеялся «гордый Петр», а совсем другая, «подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния» (Там же. Т. 3. С. 84). В сент. 1918 Т. выехал в Одессу, а оттуда перебрался за границу — сначала во Францию, затем в Германию. И начались мучительные для него эмигрантские годы, которые он позже называл «самым тяжелым периодом всей своей жизни». Бытовая неустроенность на чужбине дополнялась психологической несовместимостью с мн. из тех беженцев, которые, в гневе и злобе прокляв революционную Россию, ожидали того же и от него, возмущались его безогляд-

ной верой в русский народ. После недолгого общения с эмигрантами-«сменовеховцами» и даже сотрудничества в их органе «Накануне» он отделился от них и оказался фактически в изоляции. Тяжелее всего переживалась им оторванность от родины, ощущение себя «парием», человеком «невесомым, бесплодным, не нужным никому, ни при каких обстоятельствах» (Там же. Т. 1. С. 58). Преодолевая гнетущие эмигрантские настроения, Т. интенсивно занимался лит. трудом. За какие-нибудь 3–4 года он написал несколько замечательных произведений, согретых не только теплом воспоминаний о милом прошлом («**Детство Никиты**», «**Приключения Никиты Рощина**», 1922), но и горячей верой в прекрасное будущее, когда доброта и справедливость восторжествуют повсюду, даже на Марсе («**Аэлита**», 1922–23). В эмиграции появилась и первая часть будущей трилогии «**Хождение по мукам**» — роман «**Сестры**» (1919–22). В нем писатель впервые взялся за создание широкой, многоплановой картины российской действительности в период между началом Первой мировой войны и кануном Октябрьской революции. Книгу эту сперва зачислили в разряд камерных произведений, ограниченных преимущественно рамками «семейного романа». Затем даже эмигрантскую ее редакцию стали рассматривать как «роман о судьбах революционной родины» (Поляк Л. М.—С. 322). Роман «Сестры» с самого начала был посвящен участи гуманизма в новой России. Этический пафос романа состоял в утверждении личности с высокоразвитым духовным потенциалом и одновременно в защите права человеческого «я» на свободную и достойную жизнь. Зловещим признаком обреченности российского общества начала XX в. Т. считал то, что годы эти стали временем, когда «человеческое счастье законом и принуждением было отведено в разряд понятий, не имеющих никакого смысла и значения», в результате чего у людей даже «пропадал вкус к самим себе» (Хождение по мукам. Берлин, 1922. С. 220). Саркастически рисовал Т. безответственных прожектеров революционного времени. Одни из них (московский студент Гвоздев) всячески принижали индивидуальность и обещали человечеству «разрушить самый инстинкт выделения личности»; другие (анархист Жадов), наоборот, лелеяли бредовую идею «сверхчеловека» как идеального властителя новой жизни. В «Сестрах» как одним, так и другим уверенно противостояли любимые герои писателя (Катя, Рошин, Телегин, Даша), наделенные

высокой и чистой духовностью. Однако Т. не надеялся на скорую и безболезненную победу добра над злом. Самые достойные персонажи его романа не были и не могли быть счастливы, потому что окружающий мир жил не любовью, а ненавистью, не созиданием, а разрушением. Они были в состоянии лишь горько сознавать, что от всего этого безумия «нельзя было ни убежать, ни скрыться», и тосковали — «в какое тяжелое время мы любим» (Там же. С. 62). Им еще предстояло в следующих частях трилогии совершать свое «хождение по мукам» в поисках простого человеческого счастья. В 1922 Т. направил «**Открытое письмо Н. В. Чайковскому**», видному деятелю белой эмиграции, где засвидетельствовал полный разрыв с этой средой и признал советскую власть единственной силой, способной вывести Россию из критической ситуации. Для него вопрос о том, принимать или не принимать происшедший переворот, стал таким же бессмысленным и праздным, как в отношении любой самовластной стихии — бури, грозы, землетрясения. Убеденный патриот, он заботился лишь о том, чтобы по возможности «помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, привнесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности» (СС. Т. 10. С. 37). С этой программой и возвратился писатель на следующий год в Россию. Он застал фактически новую для себя страну, во многом неведомую и непонятную. Первые произведения на родине поведали о мечтаниях белой эмиграции вернуть прежнюю жизнь («**Рукопись, найденная под кроватью**», 1923; «**Ибикус, или Похождения Невзорова**», 1924). Т. писал также науч. фантастику, которая соединялась с беспощадной сатирой на капиталистический мир с его бездуховностью и сатанинской жадой наживы («**Черная пятница**», 1923; «**Мираж**», 1924; «**Союз пяти**», 1925; «**Бунт машин**», 1926; «**Гиперболоид инженера Гарина**», 1925–27). В середине 1920-х Т. выступил с серией рассказов и повестей, в которых, вопреки официальной версии благополучного движения России по социалистическому пути, поведал об истинной трагедии вчерашних героев революции, Гражданской войны, оказавшихся в условиях нэпа «лишними» людьми («**Голубые города**», 1925; «**Разговор на балконе**», 1927; «**Гадю-**

ка», 1928). Почти все они терпели поражение от своей житейской не приспособленности, но сама жизнь их изображалась не напрасной, она служила добродушному делу, предостерегала новую Россию от такого старого «тихого» зла, как безлика обывательская масса, способная убить благородные человеческие порывы. Последующие годы принесли Т. и радость больших творческих удач, и, к сожалению, горечь поражений. Была завершена работа над трилогией «Хождение по мукам», появились 2-я и 3-я ее части — романы **«Восемнадцатый год»** (1927–28) и **«Хмурое утро»** (1940–41). В них по-прежнему разворачивались коллизии революционного времени, Гражданской войны, но теперь существенно расширилась сама «территория» романного действия, которое вышло за пределы столицы, захватило глухую периферию. Одновременно возросла роль темы родины. Как заметил К. Федин, автор «Восемнадцатого года» словно бы «впустил во все двери и окна бурю истории», и она «забушевала во взбудораженной, трепещущей жизнью книге, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев» (Федин К. А. Соч.: в 6 т. М., 1954. Т. 6. С. 516). «Буря истории» произвела в трилогии и своеобразную «селекцию» действующих лиц: из повествовательного пространства, из земного бытия исключались нравственно несостоятельные, ущербные герои; зато другие, в духовном здоровье которых автор не сомневался, кого любил, продолжали оставаться с ним, подводили итоги всех его гуманистических исканий. Трилогия «Хождение по мукам» выгодно отличалась от мн. произведений «пролетарской лит-ры», где главенствовали классово-политические критерии, деление героев на «красных» и «белых». В финале «Хмурого утра» один из ведущих персонажей говорил о том, что «все наши усилия, пролитая кровь, все безвестные и молчаливые муки» не напрасны по одной причине — цель их глубоко человечна: «Мир будет перестраиваться нами для добра... И это на моей родине, и это — Россия» (С. Т. 6. С. 416). При всех неоспоримых достоинствах трилогии ее последние варианты, увы, пострадали от ряда идеологических предубеждений и пристрастий своего противоречивого времени. По наблюдениям текстологов, дорабатывая романы в соответствии с очередным «социальным заказом», Т. пытался по возможности «смягчить», «ослабить» драматизм изображаемых событий, а также подчеркнуть роль большевиков в благополучном их развитии. Пагубность та-

кого «послушания» наиболее проявилась в повести **«Хлеб»** (1937), посвященной Гражданской войне, обороне Царицына под руководством Ленина, Сталина, Ворошилова. Как ни старался автор проникнуться официальной темой, документально обосновать ее, вещь не удалась, получилась казенной, по оценке самого писателя, «сухой и слабой» (Там же. Т. 10. С. 111). Та же участь постигла и написанную на близком материале пьесу **«Путь к победе»** (1938), где рассказывалось об участии Сталина в разгроме армии Деникина на Южном фронте.

В 1930-е лит. деятельность Т. была и разнобразной, и активной. Вышел в свет сб. обработанных им **«Русских народных сказок»**, создана по итальянским мотивам книга для детей **«Золотой ключик, или Приключения Буратино»** (1936). Много сил отдавалось публицистике. С яркими речами в защиту культуры, мира, против угрозы фашизма выступал Т. не только у себя в стране, но и на мн. международных конгрессах. При всем том, чем дальше, тем острее начинала ощущаться им общая задолженность лит-ры перед современностью. В его обращениях к писателям постоянно звучал упрек в том, что дыхание «эпохи Великого плана» лишь «шелестит» листами их рукописей, но не порождает полноценных худож. произведений. Разумеется, ему не могло не быть известно, что не простая нерадивость мешала художникам посвятить за своим сложным временем. В его архивах хранятся документы, свидетельствующие о том, что он не только знал о трагических нарушениях законности, но и по мере сил помогал пострадавшим людям. Таковы, в частности, письма репрессированных (более 600 писем), которые обращались к нему как депутату Верховного Совета СССР с просьбами о заступничестве. Там же находится около 100 писем самого депутата к Генеральному прокурору Вышинскому с ходатайством о «содействии», с наказом «разобраться». Иные из этих обращений в высокие инстанции оказались действительными, кого-то «выпустили», кто-то благодарил писателя — «спасибо, что помог».

В 1930-е Т. снова выбирает путь, ведущий в глубь веков, в далекое, но чем-то и родственное текущей жизни российское Средневековье. «Сегодняшний день — в его законченной характеристике, — полагал Т., — понятен только тогда, когда он становится звеном сложного исторического процесса» (Там же. Т. 10. С. 206). Так в его творчестве опять возникла «петровская тема». После ранних рассказов **«Наваждение»**, «День Петра», по-

сле трагедии «**На дыбе**» (1928–29) и почти одновременно с несколькими вариантами пьесы, а также киносценарием о жизни русского царя был создан роман «**Петр I**» (1930–45), завершению которого помешал уход автора из жизни. В работе над романом Т. изучал различные исторические материалы и документы, лит. источники. Освоил 7 томов «Писем и бумаг Петра Великого», «Историю России с древнейших времен» С. Соловьева, детально познакомился с работой И. Забелина «Домашний быт русских царей в XIII–XVII столетиях». Бесценными стали для него не только дневники, письма, воспоминания современников Петра, но и особенно переданные ему историком В. Каллашем «точные записки» XVII в., материалы известного «Слова и дела». С их помощью писатель достоверно узнавал «простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» живой язык, на котором когда-то говорила, «рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь» (Там же. Т. 7. С. 848). В художественском сознании Т. эти сведения подкреплялись собственными жизненными знаниями, впечатлениями. Автор «Петра I» признавался, что, если бы с детства не знал «тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут», если бы он не знал эту «вещественность», «плоть» человеческого бытия, ему вряд ли удалось бы получить необходимое романисту «ощущение эпохи», которое он «проверял по историческим документам» (ПСС. Т. 13. С. 414–415). Благодаря именно этой глубине и достоверности «ощущения эпохи» изображенная в романе картина петровской Руси получилась живой, емкой, многоплановой, она вбирает и пейзаж России, жизнь барской усадьбы, царские покои, немецкую слободу, армию и др. Однако главным «событием» романа, выдающимся явлением лит-ры стала впечатляющая фигура самого царя, стягивающая к себе все сюжетные линии, всех действующих лиц произведения. Заново воссоздавая образ легендарного монарха, Т. не стал полностью отречься от своей предыдущей версии его. Как и в «Дне Петра», он отрицал декадентскую трактовку его как «кирода», «безумца». Не собиравшись, как видно, рисовать и олеографический портрет «венценосного плотника». Т. по-прежнему не скрывал необузданной горячности, порой безрассудства своего героя, но гораздо важнее было для него представить Петра как царя-работника, царя-созидателя. Идея созидательного

труда на благо и всей державы, и каждого человека, можно сказать, пронизала весь роман, оттеснив на второй план обычные для исторической прозы ситуации придворных заговоров, интриг. Получил свое разрешение и мучительный конфликт рассказа «День Петра». Между царем и народом разрушилась стена взаимного непонимания и отчуждения. Умами людей начинала владеть выстрадавшая убежденность в том, что жить по-старому, в нищете и косности больше нельзя: «Время остановилось. Ждать нечего» (СС. Т. 8. С. 58). Хотя параллельно с деяниями царя в конце романа начинает вызревать и глухой протест простого люда против жестоких насилиев Петра (Федька Умойся Грязью и др.).

Т. нередко упрекают в том, что, работая над романом о Петре I, писатель находился в прямой зависимости от культа личности Сталина. Неизбежность такой зависимости вряд ли можно отрицать, тем более что Т. уже пережил на этом пути поражение, создавая повесть «Хлеб». Но роман о Петре I имеет непревзойденную самостоятельную худож. ценность, которая вырастает из глубокой уверенности художником исторического содержания эпохи XVIII в. Это и делает роман одним из самых значительных завоеваний русской лит-ры советского периода.

Во время Великой Отечественной войны Т., помимо третьей части «Петра I», создал драматическую дилогию «**Иван Грозный**» (пьесы — «**Орел и орлица**», 1941–42; «**Трудные годы**», 1943). Обращение к далекой эпохе становления Российского государства, сплочения нации, по словам автора, было своеобразным ответом художника на те унижения, которым фашистские захватчики подвергли его родину: «Я вызвал из небытия к жизни великую и страстную русскую душу Ивана Грозного, чтобы вооружить свою „рассвирепевшую“ совесть» (ПСС. Т. 1. С. 89–90). С необычайной силой раскрылся в военные годы и публицистический дар Т., написавшего тогда свыше 60 патриотических статей с проникновенными обращениями к советским людям: «Я призываю к ненависти», «Возмездия!», «Мы должны выстоять». Буквально у всех на слуху была его знаменитая статья «**Родина**», опубликованная в «Правде» 7 нояб. 1941 и полная веры в то, что Россия непременно победит агрессора: «Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!» (Там же. Т. 14. С. 162). К публицистике примыкал цикл «**Рассказы Ивана Сударева**» (1942–44). Основанные на реальных фактах фронтовой действительности, сообщенных писателю партизанами, бойцами, произведения эти выра-

жали восхищение автора русским человеком, сражающимся за освобождение родины: «Да, вот они русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила — человеческая красота» (Там же. Т. 14. С. 49). Его последним, не осуществленным из-за болезни замыслом было написание большого романа о подвиге российского народа в Великой Отечественной войне. Т. никогда не обольщался относительно прочности и постоянства своего писательского успеха. «Не знаю,— отвечал он еще в 30-е на sacramентальный вопрос о будущем,— мы кипим в чудовищном котле,— вверх и вниз — сегодня на поверхности, завтра на дне» (СС. Т. 10. С. 127). Однако время показало, что лит. судьба его не напрасно считалась счастливой: «Любите жизнь, возьмите ее со всей страстью, сделайте из нее счастье» — эти слова писателя, как и прежде, актуальны; его книги будут жить до тех пор, пока человечество не перестанет нуждаться в их назойливых, умных и добрых уроках человеческого счастья.

Соч.: ПСС: в 15 т. М., 1946–53; СС: в 10 т. М., 1958–61; Алексей Толстой о литературе: Статьи, выступления, письма. М., 1956; Записные книжки // ЛН. М., 1965. Т. 74.

Лит.: Щербина В. А. Н. Толстой. М., 1955; Алпатов А. В. Творчество А. Н. Толстого. М., 1956; Толстая-Крандиевская Н. В. Я вспоминаю // Прибой: альм. Л., 1959; Поляк Л. М. Алексей Толстой — художник. М., 1964; Чуковский К. Алексей Николаевич Толстой (Из воспоминаний) // Москва. 1964. № 4; Баранов В. Революция и судьба художника. М., 1967; Окланский Ю. М. Шумное захолустье // Из жизни двух писателей (А. Н. Толстой и А. Л. Востром). Куйбышев, 1969; Западов В. А. Алексей Николаевич Толстой: биография: пособие для учителей. М., 1969; Демидова Н. А. Роман А. Н. Толстого «Петр Первый» в школьном изучении: пособие для учителя. М., 1971; Боровиков С. Алексей Толстой. М., 1982; Крюкова А. И. Алексей Николаевич Толстой. М., 1989; А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования. М., 1995.

В. В. Бузник

ТРАПЕЗНИКОВ Александр Анатольевич [31.12.1953, Хабаровск] — прозаик, критик.

Отец — офицер, начальник следственного отдела военной прокуратуры, мать — педагог, юрист. Род Т., среди членов которого священники, военные, врачи, учителя, происходит из древнегреческого города Трапезунд. С 1956 живет в Москве. Окончил филол. ф-т Московского областного педагогического ин-та им. Н. К. Крупской (1980)

А. А. Трапезников

и Ин-т журналистского мастерства. Несколько лет провел в Венгрии. Активно занимался спортом, имеет несколько спортивных разрядов (бокс, легкая атлетика, шахматы и др.). Работал в науч.-исследовательских ин-тах, библиотеке, конструкторском бюро, на часовом заводе; в изд-вах «Просвещение» и «Граница»; в газ. «Советский спорт»; в ж. «Наш современник»; в лит. части МХАТа, в колледже.

Первая публикация прозы — несколько миниатюр — состоялась в газ. «Московский метрополитен» (28 дек. 1978). Т. печатался в газ. «Лит. Россия», «Завтра», «День лит-ры», «Лит. газ.», «Московский литератор» и др.; в ж. «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Огонек», «Московский вестник», «Пограничник», «Смена», «Роман-газ.», «Подъем», «Проза», «Лит. учеба»; в альм. «Истоки» и др. Т. — автор 35 книг прозы и худож. публицистики. Член СП России с 1994.

Сам писатель так характеризует свою творческую эволюцию: «юмористические рассказы начала восьмидесятых годов; „деревенская проза“»; остросюжетные повести начала девяностых; социально-криминальные романы; лирическая проза; романы с православной тематикой... Отношу себя к писателям патриотического, православного направления» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ РАН).

Произведения Т. отличаются остросюжетностью и некоторая брутальность того, что происходит, как правило, с героями. Рассказы и повести Т. экзистенциальны по настрою и дают читателю мало надежды на благополучный